

Чарская Лидия Алексеевна

Один за всех

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Л55

Л55 **Лидия Алексеевна Ч.**
Один за всех / Чарская Лидия Алексеевна – М.: Книга по Требованию, 2022. – 244 с.

ISBN 978-5-521-29805-1

ISBN 978-5-521-29805-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

ПРОШЛОЕ русской земли богато великими героями, проявившими чудеса храбрости, жертвовавшими жизнью для родины. Богато оно выдающимися и по своимъ мирнымъ заслугамъ личностями, богато крупными, беззавѣтно трудившимися на славу своего народа государственными дѣятелями.

Но русская исторія слагалась не только изъ подвиговъ героевъ и дѣяній государственныхъ дѣятелей. Въ жизни русскаго народа, въ ея судьбахъ, играли огромную роль и скромные подвижники, которые своимъ примѣромъ вдохновляли народныя массы, укрѣпляли въ нихъ вѣру, облагораживали ихъ нравы и, отдавая свою жизнь на служеніе высокимъ идеаламъ, оставили память — прочнѣе памяти многихъ

героевъ, витязей и богатырей. И такіе люди, по своей кончинѣ, становились предметомъ благоговѣйнаго почитанія всего русскаго народа, отъ царя до послѣдняго простолюдина.

Признается полезнымъ знакомить юношество въ художественной формѣ разсказа съ жизнью и дѣятельностью героевъ, государственныхъ людей, ученыхъ, писателей. Несомнѣнно, слѣдуетъ считать не менѣе полезнымъ ознакомленіе юнаго поколѣнія, въ художественной беллетристической формѣ, и съ жизнью тѣхъ великихъ подвижниковъ, дѣятельность которыхъ тѣсно связана съ исторіею родины и которыхъ народъ справедливо причисляетъ къ своимъ богатырямъ—богатырямъ духа.

Жизнь, и въ особенности юные годы, одного изъ такихъ праведниковъ и подвижниковъ составляетъ содержаніе предлагаемой повѣсти.

Этотъ праведникъ—Преподобный Сергій Радонежскій, безспорно, одна изъ самыхъ замѣчательныхъ личностей нашего далекаго прошлаго, праведникъ, къ гробницѣ котораго ежегодно стекаются миллионы русскихъ людей, чтобы подкрѣпить себя молитвою, найти утѣшеніе въ горѣ.

„Если-бы возможно было,—говоритъ нашъ знаменитый историкъ В. О. Ключевскій,—зоспроизвести писаніемъ все, что соединялось съ памятью Преподобнаго Сергія, что въ эти пятьсотъ лѣтъ (со времени его кончины) было молчаливо передумано и

перечувствовано передъ его гробомъ миллионами умовъ и сердець, это писаніе было-бы полной глубокаго содержанія исторіей нашей всенародной политической и нравственной жизни. Да и каждый изъ насъ въ своей собственной душѣ найдетъ то же общее чувство, стоя у гробницы Преподобнаго. У этого чувства уже нѣтъ исторіи, какъ для того, кто поконитъ въ этой гробницѣ, давно остановилось движеніе времени. Это чувство вотъ уже пять столѣтій одинаково загорается въ душѣ молящагося у этой гробницы, какъ солнечный лучъ въ продолженіе тысячелѣтій одинаково свѣтится въ чистой каплѣ воды“.

Жизнь Св. Сергія—помимо религіознаго значенія Преподобнаго—представляетъ богатый примѣръ необыкновеннаго трудолюбія, кротости, готовности работать для ближнихъ и ради пользы ближнихъ. Она полна интересныхъ и, въ то же время, поучительныхъ фактовъ, способныхъ облагораживающе дѣйствовать на юныя сердца, вызывать ихъ добрыя чувства, развивать въ нихъ любовь къ людямъ, уваженіе къ труду.

Въ предлагаемой повѣсти жизнь великаго праведника рассказана на основаніи лѣтописей и сказаній, которыя въ теченіе столѣтій переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе и удостовѣрены исторіею. Стараясь сохранить въ самомъ разказѣ колоритъ эпохи и имѣя въ виду юныхъ читателей и

читательницъ, авторъ стремился въ то же время съ внѣшней стороны дать своему произведенію такую форму, которая могла бы не только въ достаточной мѣрѣ заинтересовать ихъ, но и ввести въ тотъ особый міръ, гдѣ протекала вся подвижническая жизнь и дѣятельность этого понятиѣ народного героя труда и вѣры.

Иллюстраціонная часть повѣсти состоитъ преимущественно изъ копій съ картинъ извѣстныхъ художниковъ, вдохновившихся жизнью великаго подвижника земли русской, изъ видовъ, связанныхъ съ его именемъ, снимковъ съ принадлежавшихъ ему вещей и пр. Въ самомъ же текстѣ помѣщены снимки съ древнихъ миниатюръ, воспроизведенныхъ съ рукописи XVI вѣка, хранящейся въ ризницѣ Троице-Сергіевской Лавры.

I.

ПОЛУБОЙ радостный и свѣтлый день. Прозрочно-синей глубиной моря кажется небо или лазоревымъ заповѣднымъ озеромъ, тамъ высоко, вдали. А земныя хрустальныя озера и рѣки отражаютъ небеса. И мнится: два неба, два озера, два моря—внизу и вверху. Ласково-нѣжный, какъ сладкій бальзамъ душистъ воздухъ. Въ немъ лѣтнее дыханіе дикихъ левкоевъ, розовой кашки, гвоздикъ полевыхъ. Наверху, надъ заоблачными сказочными озерами неба—золотое свѣтило: солнце, улыбка Бога и радость земли. Оно не горячій, дышащій зноемъ пламень сегодня, — оно ясное, нѣжное и спокойное. Начало лѣта и прощанье весны.

День красивый, какъ сказка. Радостный день, теплый, ласковый, нѣжащій, посланный небомъ для утѣхи земли.

Въ четырехъ верстахъ отъ Ростова, славнаго города Ростова, отражавшаго такъ отчаянно-храбро набѣги дикихъ кочевниковъ-татаръ и павшаго подъ ихъ бѣшенымъ натискомъ, небольшая усадьба, вся обласканная, вся согрѣтая и принаряженная майскимъ полднемъ. На высокомъ тынѣ играютъ солнечные блики, на бѣлыхъ крѣпко выложенныхъ тесовыхъ стѣнахъ хоромъ, гридницъ и пристроекъ мелькаютъ свѣтовые пятна. Словно бѣлоликія феи, бѣгають взапуски, прыгаютъ и рѣзвятся солнечныя улыбки.

Тамъ, за сараями, тѣнистѣй и будто сумрачнѣй. Длинные тѣни ложатся отъ высокихъ дубовъ съ мохнатыми шапками изъ свѣжей листвы на гордыхъ головахъ-вершинахъ и отъ гибкихъ, какъ прутики, юныхъ тополей, похожихъ на юношей съ зелеными глазами. Тамъ, въ тѣни, подъ тыномъ — лужайка. На лужайкѣ толпа мальчиковъ-невеличковъ, отъ пяти до десяти лѣтъ. Играютъ во что-то странное, непонятное по первому взгляду. Что за игра?

Одинъ сидитъ подъ дубомъ. Этотъ старше всѣхъ; по виду ему лѣтъ двѣнадцать. Онъ высокій, тоненькій, какъ былинка, черноглазый, а лицо суровое, брови, будто кисточкой проведенныя, сжались надъ тонкимъ прямымъ носомъ. Брови хмуры, а пухлыя дѣтскія губки, точно спѣлыя алыя вишни, кривятся въ усмѣшку. Въ рукахъ листъ огромнаго лопуха, сорваннаго тутъ-же подъ тыномъ, и указка въ видѣ ивовой лозы, гибкаго прутика, наполовину очищеннаго отъ кожицы.

Мальчикъ одѣтъ чисто и опрятно; не роскошно, нѣтъ, хотя онъ и боярскій сынъ, дитя всѣмъ извѣстнаго боярина Кирилла Ивановича Иванчина, приспѣшника и совѣтчика перваго при дворѣ князя Константина Борисовича, удѣльнаго владѣтеля Ростовской земли.

И усадьба эта за зеленымъ тыномъ принадлежитъ боярину Кириллу, и высокій, стройненькій съ нахмуреннымъ лицомъ черноглазый отрокъ его старшій сынъ — Степанъ. Тутъ же въ толпѣ дѣтей и младшій сынъ — Петруша, голубоглазенькій, бѣлокуренькій съ дѣтскимъ невиннымъ личикомъ шестилѣтній шалунокъ. Всѣхъ дѣтей человѣкъ десять. Всѣ стоятъ на вытяжку,

глаза вперили въ черненькаго Степа, что сидитъ на срубленномъ стволѣ подъ дубомъ съ нахмуреннымъ лицомъ, съ сумрачными очами.

— А ну-ка, подходи,—кричитъ Степа, и черные глазенки его поблескиваютъ, какъ угольки, — ты, Кирюшка Безруковъ!

Изъ толпы выдѣлился мальчуганъ, бутузъ лѣтъ семи-восьми, рыхлый, бѣлотѣлый, вскормленный на мамушкиныхъ подовыхъ пирогахъ, на имбирныхъ хлѣбцахъ, да на всякой сытной живности. Чистый кубарь, а не мальчикъ. Отдѣлился отъ толпы, приблизился къ дубу, поклонился въ поясъ Степѣ.

— Здравъ будь, господинъ учитель!

— Здорово, паренекъ! Покажи свое умѣнье. Больно знатно ты псалтирь читаешь, наслышанъ я, такъ удружи, любезненькій, а мы послушаемъ.

И съ важностью заправскаго учителя степенно протянулъ Степа Кирюшѣ листъ лопуха.

Листъ лопуха — псалтирь. Листъ лопуха — Четви-Минеи. Онъ-же и — Житіе Святыхъ, и все, по желанію. Что подскажетъ дѣтская фантазія, то и представитъ изъ себя листъ лопуха.

Этотъ Степа — учитель сейчасъ, мальчики —

ученики, полянка подъ тыномъ — школа. Въ школу и въ учителя играютъ мальчики, дѣти разныхъ служивыхъ городскихъ людей, пришедшія сюда въ боярскую усадьбу изъ города и изъ сосѣднихъ ближнихъ вотчинъ поиграть передъ тѣмъ, какъ отправиться въ настоящую заправскую школу.

Кирюша-бутузь беретъ лопухъ и читаетъ пѣвуче:

— Азъ, Рцы, Херъ, Азъ... Архангелъ...— съ трудомъ, обливаясь потомъ, произноситъ онъ, какъ-бы читая на воображаемой страницѣ книги воображаемое слово.

— Ладно, умникъ, пряникъ за мной... Подходи ты, Петруша,—одобривъ кивкомъ головы товарища, говоритъ Степа.

Выбѣгаетъ къ дубу другой мальчикъ. Этотъ совсѣмъ крошка, голубоглазый, маленькій, похожій на херувимчика, только вотъ загорѣлый— въ этомъ съ херувимомъ и разница вся.

Это братецъ Степана—Петруша... Бойкій, веселый, глазки что звѣздочки горять.

— Давайка-сь, господинъ учитель, я тебя потѣшу!—самъ хватается лопухъ и бойко читаетъ наизусть псаломъ Давидовъ:

— Се удаляхся бѣгая и водворихся въ пустынь, чаяхъ Бога, спасающаго меня (псал. 54, 8, 9).

Странно звучать строгія, суровыя слова царя-пророка въ устахъ ребенка. Память у Петруши на диво.

— Молодецъ,—хвалить старшій братъ,—гдѣ слыхалъ такое?

— Братъ Варѹшка давеча молился, я и упомянулъ.

— Варѹшка? Ишь, ты... Да гдѣ-же онъ?

Степино суровое лицо разглаживается въ минутку. Бровки, какъ стрѣлки, отъ переносицы разбѣгаются прочь.

— Гдѣ Варѹшка, да... чего не играетъ съ нами? Куда схоронился? — съ любопытствомъ спрашиваетъ Степанъ. А самъ уже вскочилъ со своего пня-обрубка, глядитъ поверхъ головъ товарищей-мальчиковъ. Ищетъ взглядомъ того, кого хочетъ видѣть сейчасъ.

— Варѹшка! Варѹшка! Варѹломей!—кричитъ Степа, прикладывая руки ко рту,—къ намъ ступай, сюда, Варѹшка! Ско-ре-и-ча!

Крикнулъ и слушаетъ, не откликнется ли тотъ, не поблизости ли онъ ненарокомъ.